

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-4
Б79

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Редакция благодарит АЛЕКСЕЯ МОТОРОВА за помощь в подготовке книги

Болье, Батист.

Б79 Тысяча и одна ночь отделения скорой помощи / БАТИСТ БОЛЬЕ; пер. с франц. Е. ТАРУСИНОЙ. — Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2015. — 320 с. — (Согрус. Неотложка).

ISBN 978-5-17-091532-3

“Тысяча и одна ночь отделения скорой помощи” — это захватывающая хроника будней французской больницы. Книга родилась из блога, где двадцатисемилетний интерн Батист Болье с 2012 года вел дневник больничной жизни. Блог быстро завоевал популярность, число посетителей вскоре превысило три миллиона, а сам Болье получил премию Александра Варне. Лучшие французские издатели стали наперебой предлагать ему на основе блога написать книгу.

Герой книги, интерн в отделении скорой помощи, каждую свободную минуту посвящает пациентке, которую прозвал Жар-птицей. Жить ей осталось недолго, и она ждет сына-студента, застрявшего за границей из-за извержения вулкана “с непроносимым названием”. Чтобы помочь ей продержаться, молодой интерн рассказывает ей случаи из медицинской практики — своей собственной и своих знакомых. Постепенно к нему присоединяются другие врачи и медсестры, сменяя его в роли Шахерезады. Из этих историй, порой грустных, порой смешных, вырастает целый мир “тех, кто слег, и тех, кто их ставит на ноги”.

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-4

ISBN 978-5-17-091532-3

- © Mille et une nuit, département de la Librairie Arthème Fayard, 2013
- © Е. Тарусина, перевод на русский язык, 2015
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
- © ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>Предуведомление</i>	11
День первый	13
День второй	59
День третий	103
День четвертый	141
День пятый	185
День шестой	235
Шестая ночь: дежурство	239
День седьмой	289
<i>Слова благодарности</i>	314

*Посвящается А.:
я — твоё продолжение*

*Моим родителям,
которые были рядом в ту зиму*

*Всем тем, кто слез,
и тем, кто их ставит на ноги*

В эту ночь ты сойдешь обрезком,
Почему-то сходным с тобой.

[...]

И останешься только телом:

Только телом и будешь ты.

ФЕРНАНДО ПЕССОА

*Посвящение*¹

Вопияло небо, земля отвечала.

[...]

«Гильгамеш! Куда ты стремишься?

Жизни, что ищешь, не найдешь ты!

Боги, когда создавали человека, —

Смерть они определили человеку».

*Эпос о Гильгамеше*²

Если ты пригласил на праздник людей
одной группы крови, но не сказал им
об этом, они будут говорить о другом.

ЖАН-КЛОД ВАН ДАММ

- 1 Перевод Валерия Перелешина. (*Здесь и далее прим. перев.*)
- 2 Перевод И. М. Дьяконова.

Предуведомление

Все упомянутые ниже случаи и события — подлинные: в наших больницах такое случается ежедневно. По понятным причинам я изменил имена (просто выдумал), возраст персонажей (как истинный джентльмен, мужчин состарил, а женщин сделал моложе) и их пол (все беременные и/или роженицы в моем рассказе — на самом деле мужчины).

Свои самые досадные врачебные промахи я, разумеется, приписал коллегам...

Хотя повествование ведется от первого лица, это не только моя история, она родилась из рассказов друзей, медиков и пациентов: я попытался влезть в их шкуру и передать их чувства.

Все санитары, врачи, медсестры и интерны, о которых здесь говорится, существуют на самом деле: мне посчастливилось с ними работать.

День первый

*All Along the Watchtower*¹

Боб Дилан

1 Здесь и далее в качестве эпиграфов использованы названия музыкальных композиций с указанием авторов и/или исполнителей.

**7 часов утра,
отделение скорой помощи**

Ненавижу, когда день начинается с попытки самоубийства.

Мадам Дидона проглотила четырнадцать таблеток из одной упаковки, девять — из другой и еще восемь — из третьей.

Проснулась она спустя двое суток, оглушенная наркотиками. Сестра пыталась ее разбудить, хлопая по щекам, пока к ним ехала “скорая”.

Предварительный осмотр показал, что она выживет. Печень — в хлам, но пациентка выживет, хоть и против своей воли.

Она тихо плакала, уставившись в белую стену палаты. Не знаю, что она там увидела, но ее взгляд был прикован к стене, словно его держала застежка-липучка.

Когда я вошел, она вместо приветствия произнесла:

— Не получилось.

Я попытался объяснить, что, наоборот, это удача, что она осталась жива.

— Вам не понять.

— Конечно, не понимаю, зато могу рассказать вам одну историю.

Голова у меня трещала после вчерашней вечеринки, я уселся на табурет и облокотился на носил-

ки, словно на стойку бара в кафе под названием “Максанс — ваш последний шанс”.

И рассказал ей Историю, Прекрасную, Великую, ту, что я извлекаю на свет божий всякий раз, когда на моем врачебном пути встречается чудом выживший самоубийца.

Я тогда проходил стажировку под руководством врача общей практики доктора Дона Спрута Кихота. Жуткий тип, он бы вам наверняка не понравился. К нам на прием привезли месье Лазаря, инвалида. Его огромное кресло застряло в дверях, поэтому пришлось воспользоваться служебным входом. Как обычно, пациента перед осмотром раздели. Левая рука приросла к грудной клетке. Между голеньями и бедрами образовались стяжки, и когда пытался распрямить ноги, это выглядело кошмарно. Его тело, сплошь покрытое шрамами, словно после битвы, было чудовищно скрючено. Повсюду рубцы от ожогов третьей степени. Он мне напомнил оплывшую свечу. Огонь ее не пощадил, но хуже всего обошелся с фитилем: лицо месье Лазаря как будто растаяло, правая щека смахивала на каплю воска. Но тем, что осталось от губ, он весело улыбался. Говорил о видах на будущее, о запланированных путешествиях, о том, что его нынешняя подружка беременна: это будет их первый ребенок. С нетерпением ждал, когда станет ясно, какую краску для детской покупать, голубую или розовую. Конечно, ему хотелось бы розовую, но мальчик — это тоже чудесно.

Я смотрел на этого человека, изувеченного огнем, чудом выжившего, радостного, полного надежд, —

и ничего не понимал. Видимо, что-то я упустил. Он распрощался с нами. Добрый доктор Спрут повернулся ко мне и сказал:

— Угадай, как он это сделал! — Под “этим” он разумел превращение человеческого тела в застывшие потоки лавы. — Четыре года назад он облил бензином салон своей машины и врезался в стену. Хотел умереть.

Мадам Дидона меня слушала.

— Я видел, что этот человек счастлив, — добавил я и умолк. Убрал локти со стойки бара, не собираясь платить, отодвинул табурет и вышел из кафе под названием “Максанс — ваш последний шанс”, покинув официантку, глядевшую мне вслед удивленными печальными глазами.

Я ничего особенного собой не представляю, зато знаю множество историй. Постоянно вижу людей на больничной койке или в кресле-каталке, и все они испытывают меня на человечность. Я не эгоист и говорю о них с другими пациентами. И так сплетаю нити судеб.

**Около 8 часов утра,
в лифте**

Я мчался на шестой этаж к пациентке из седьмой палаты.

Одернул мятую одежду. Под халатом у меня обычно красная клетчатая рубашка, как у канадского лесоруба, на носу очки в черной оправе. Я отпустил усы — правда, они слишком светлые, — и стал говорить как можно более низким голосом. Да и вообще

старался выглядеть старше, потому что это внушает доверие пациентам.

Когда больной думает, что его лечит настоящий врач, — это уже пятьдесят процентов успеха. Эффект плацебо. Не будучи уверен в своих знаниях, я проявлял лисью хитрость и “плацеболизировал” пациентов, изображая “перспективного молодого врача, будущего профессора”.

Таким был мой план паллиативных мер по борьбе с молодостью: дедушкины рубашки, очки в черном пластике, голос из рекламы “Анкл-Бенс”, соломенная щетина на подбородке (плюс пышная шевелюра, придающая мне вид чокнутого льва). Итак, представьте себе тощего льва в красно-зеленой клетчатой ковбойке, который бьет чечетку в больничном коридоре. Добавьте к этому еще немного розовых прыщиков под светлым пушком — у моей матери шотландские корни, и это сказывается. Кожа не врет.

И мои истории тоже чистая правда.

**8 часов утра,
наверху, у дверей палаты 7**

Ко мне подошла сиделка и сообщила, что ей знаком серый цвет лица пациентки.

— Она умрет, и очень скоро.

Я решил, что это ошибка.

— Ты слишком молод, — проговорила она.

Сиделку звали Фабьенн. Она надевала пациентам на шею бусы из камней: авантюрин — кожным больным, агат — страдавшим запорами. Она верила в силу камней, больные иногда тоже.